

ЖЕЛТАЯ *стрела*

Виктор ПЕЛЕВИН

Annotation

Аллегорическая повесть о поезде, который несется в никуда. Главный герой пытается найти способ покинуть этот поезд.

- [Желтая стрела](#)

- [12](#)
 - [11](#)
 - [10](#)
 - [9](#)
 - [8](#)
 - [7](#)
 - [6](#)
 - [5](#)
 - [4](#)
 - [3](#)
 - [2](#)
 - [1](#)
 - [0](#)
-

Желтая стрела

Taken: , 1

Андрея разбудил обычный утренний шум – бодрые разговоры в туалетной очереди, уже заполнившей коридор, отчаянный детский плач за тонкой стенкой и близкий храп. Несколько минут он пытался бороться с наступающим днем, но тут заработало радио. Заиграла музыка – ее, казалось, переливали в эфир из какой-то огромной общепитовской кастрюли.

– Самое главное, – сказал невидимый динамик совсем рядом с головой, – это то, с каким настроением вы входите в новое утро. Пусть ваш сегодняшний день будет легким, радостным и пронизанным лучами солнечного света – этого вам желает популярная эстонская певица Гуна Тамас.

Андрей свесил ноги на пол и нащупал свои ботинки. На соседнем диване похрапывал Петр Сергеевич – судя по энергичным рывкам его спины и зада, прикрытого простыней с треугольными синими штампами, он собирался провести в объятиях Морфея еще не меньше часа. Было видно, что Петру Сергеевичу нипочем ни утренний привет Гуны Тамас, ни коридорные голоса, но другим его воздушная кольчуга помочь не могла, и новый день для Андрея бесповоротно начался.

Одевшись и выпив полстакана холодного чая, он сдернул с крючка полотенце с вышитым двухголовым петухом, взял пакет с туалетными принадлежностями и вышел в коридор. Последним в туалетной очереди стоял бородатый горец по имени Авель – на его большом круглом лице отчего-то не было обычного благодушия, и даже зубная щетка, торчавшая из его кулака, казалась коротким кинжалом.

– Я за тобой, – сказал Андрей, – а пока покурить схожу, ладно?

– Не переживай, – мрачно сказал Авель.

Когда за Андреем защелкнулась тяжелая дверь с глубоко вцарапанной надписью «Локомотив – чемпион» и небольшим заплеванным окошком, он вспомнил, что сигареты у него кончились еще вчера. К счастью, сразу за дверью сидел наперсточник, вокруг которого стояло несколько человек. Андрей стрельнул штуку «Дорожных» у одного из зрителей и встал рядом.

Наперсточник был старым и морщинистым, похожим на умирающую обезьяну, и пустая пивная банка для милостыни пошла бы ему куда больше, чем три коричневых стаканчика из пластмассы, которые он

медленно водил по куску картона. Впрочем, это мог быть патриарх и учитель – ассистенты у него были очень внушительные и крупногабаритные. Их было двое, в одинаковых рыжих куртках, сшитых китайскими политзаключенными из на редкость паршивой кожи; они довольно правдоподобно ссорились, пихали друг друга в грудь и по очереди выигрывали у наставника новенькие пятитысячные бумажки, которые тот подавал им молча и не поднимая глаз.

Андрей отошел в сторону и прислонился к стене у окна. Радио угадало – день был и правда солнечный. Косые желтые лучи иногда касались приподнимающейся лысины наперсточника, клочковатые остатки седых волос на его голове на миг превращались в сияющий нимб, и его манипуляции над листом картона начинали казаться священнодействием какой-то забытой религии.

– Эй, – сказал один из ассистентов, поднимая голову, – ты чего дымишь? Тут и так воздух спертый.

Андрей не ответил. Можно в письмо газету написать, подумал он, – мол, братья и сестры, слышал я, у нас и воздух сперли.

– Глухой? – окончательно выпрямляясь, повторил ассистент.

Андрей опять промолчал. Ассистент был не прав по всем понятиям – территория здесь была чужая.

– Кручу, верчу, много выиграть хочу, – вдруг проскрипел наперсточник.

Видимо, это был условный знак – ассистент все понял, дернул головой и сразу же вернулся к прерванной перебранке с напарником. Андрей последний раз затянулся и кинул окурок им под ноги.

Очередь как раз подошла. Авель куда-то исчез, и перед Андреем осталась только женщина с грудным ребенком на руках. Против ожиданий, они управились очень быстро.

Закрыв за собой дверь, Андрей включил воду, поглядел на свое лицо в зеркале и подумал, что за последние лет пять оно не то что повзросло или постарело, а, скорее, потеряло актуальность, как потеряли ее расклешенные штаны, трансцендентальная медитация и группа «Fleetwood Mac». Последнее время в ходу были совсем другие лица, в духе предвоенных тридцатых, из чего напрашивалось множество далеко идущих выводов. Предоставив этим выводам идти туда в одиночестве, Андрей почистил зубы, быстро умылся и пошел к себе.

Петр Сергеевич уже проснулся и сидел у стола, почесываясь и перелистывая старый номер «Пути», который Андрей выменял вчера у

цыгана на банку пива, но так и не стал читать.

– С добрым утром, Андрей! – сказал Петр Сергеевич и ткнул пальцем в газету. – Вот пишут: существование снежного человека можно считать документально доказанным.

– С добрым утром, Петр Сергеевич, – сказал Андрей. – Ерунда это. Вы сегодня опять всю ночь храпели.

– Врешь. Правда что ли?

– Правда.

– А ты свистел?

– Свистел, свистел, – ответил Андрей. – Еще как. Только без толку. Вы когда на спину переворачиваетесь, сразу начинаете храпеть, и потом уже все бесполезно. Лучше б вы себя привязывали, чтобы на боку лежать все время. Помните, как вы в прошлом году делали?

– Помню, – сказал Петр Сергеевич. – Я тогда моложе был. Сейчас мне так не уснуть. Ой, беда какая. Это все нервы у меня. Я ведь раньше, Андрюша, до реформ этих ебанных, никогда не храпел. Ну ничего, придумаем что-нибудь.

– Чего еще пишут? – кивая на газету, спросил Андрей. Пока Петр Сергеевич не начал вспоминать о том, что было до реформ, его мыслям надо было дать какое-нибудь направление.

Водя пальцем по зеленоватому листу и однообразно матерясь, Петр Сергеевич принялся пересказывать передовую статью, а Андрей, кивая и переспрашивая, стал обдумывать свои планы на день. Сперва предстояло идти завтракать, а потом надо было зайти к Хану – к нему имелось какое-то смутное дело.

Taken: , 1

В ресторане, длинном и узком помещении с десятком неудобных столиков, было еще пусто, но уже пахло горелым, причем казалось, что сгорело что-то тухлое. Андрей сел за свое обычное место у окна, спиной к кассе, и, щурясь от солнца, поглядел в меню. Там были только пшенка, чай и «коньяк азербайджанский». Андрей поймал взгляд официанта и утвердительно кивнул. Официант показал пальцами что-то маленькое, граммов на сто, и вопросительно улыбнулся. Андрей отрицательно помотал головой.

Горячий солнечный свет падал на скатерть, покрытую липкими пятнами и крошками, и Андрей вдруг подумал, что для миллионов лучей это настоящая трагедия – начать свой путь на поверхности солнца, пронестись сквозь бесконечную пустоту космоса, пробить многокилометровое небо – и все только для того, чтобы угаснуть на отвратительных останках вчерашнего супа. А ведь вполне могло быть, что эти косо падающие из окна желтые стрелы обладали сознанием, надеждой на лучшее и пониманием беспочвенности этой надежды – то есть, как и человек, имели в своем распоряжении все необходимые для страдания ингредиенты.

«Может быть, я и сам кажусь кому-то такой же точно желтой стрелой, упавшей на скатерть. А жизнь – это просто грязное стекло, сквозь которое я лечу. И вот я падаю, падаю, уже черт знает сколько лет падаю на стол перед тарелкой, а кто-то глядит в меню и ждет завтрака...»

Андрей поднял глаза на телевизор в углу и увидел какое-то примелькавшееся лицо, беззвучно открывающее рот перед тремя коричневыми микрофонами. Потом камера повернулась и показала двух человек, которые яростно толкались у другого микрофона, с бесстыдным русским фрейдиизмом хватая друг друга за одинаковые рыжие галстуки.

Подошел официант и поставил на стол завтрак. Андрей посмотрел в алюминиевую миску. Там была пшенка и растаявший кусок масла, похожий на маленькое солнце. Есть совершенно не хотелось, но Андрей напомнил себе, что следующий раз попадет сюда в лучшем случае вечером, и стал стоически глотать теплую кашу.

Появились первые посетители, и ресторан стал постепенно заполняться их голосами – у Андрея было такое ощущение, что на самом деле тишина оставалась ненарушенной, просто помимо нее появилось

несколько притягивающих внимание раздражителей. Тишина была похожа на пшенку в его миске – она была такой же густой и вязкой; она деформировала голоса, которые звучали на ее фоне отрывисто и истерично. За соседним столом громко говорили о снежном человеке, которого будто бы видела вчера какая-то сумасшедшая старуха. Андрей сначала прислушивался к разговору, а потом перестал.

Напротив него уселся румяный седой мужчина в строгом черном кителе с небольшими серебряными крестиками на лацканах.

– Приятного аппетита, – сказал он, улыбнувшись.

– Да бросьте вы, – сказал Андрей.

– Что это вы такой мрачный? – удивленно спросил сосед.

– А вы чего такой веселый?

– Я не весел, – ответил сосед, – я радостен.

– Ну и я тоже, – сказал Андрей, – не мрачен, а задумчив. Сажу и размышляю.

Доев кашу, он придвинул к себе стакан с чаем и принялся размешивать в нем сахар. Сосед продолжал улыбаться. Андрей подумал, что сейчас он опять заговорит, и стал крутить ложечкой быстрее.

– Думать, а иногда и размышлять, – сказал сосед, сделав дирижирующее движение рукой, – разумеется, полезно и в жизни весьма часто необходимо. Но все зависит от того, откуда этот процесс берет, так сказать, свое начало.

– А что, – спросил Андрей, – есть разные места?

– Вы сейчас иронизируете, а они между тем действительно есть. Бывает, что человек пытается сам решить какую-то проблему, хотя она решена уже тысячи лет назад. А он просто об этом не знает. Или не понимает, что это именно его проблема.

Андрей допил чай.

– А может, – сказал он, – это действительно не его проблема.

– У всех нас на самом деле одна и та же проблема. Признать это мешает только гордость и глупость. Человек, даже очень хороший, всегда слаб, если он один. Он нуждается в опоре, в чем-то таком, что сделает его существование осмысленным. Ему нужно увидеть отблеск высшей гармонии во всем, что он делает. В том, что он изо дня в день видит вокруг.

Он ткнул пальцем в окно. Андрей поглядел туда и увидел лес, далеко за которым, у самого горизонта, поднимались в небо три огромных, коричневых от ржавчины трубы какой-то электростанции или завода – они были такими широкими, что больше походили на гигантские стаканы. Андрей засмеялся.

– Чего это вы? – спросил сосед.

– Знаете, – сказал Андрей, – я себе сейчас представил такого огромного пьяного мужика с гармошкой, до неба ростом, но совсем тупого и зыбкого. Он на этой своей гармошке играет и поет какую-то дурную песню, уже долго-долго. А гармошка вся засаленная и блестит. И когда внизу это замечают, это называется отблеском высшей гармонии.

Сосед чуть поморщился.

– Все это, знаете, не ново, – сказал он. – Иерархия демиургов, несовершенный уродливый мир и так далее, если вас интересует историческая параллель. Гностицизм, одним словом. Но ведь счастливым он вас никогда не сделает, понимаете?

– Еще бы, – сказал Андрей, – слово-то какое страшное. А что меня сделает счастливым?

– К счастью путь только один, – веско сказал сосед и ковырнул вилкой в миске, – найти во всем этом смысл и красоту и подчиниться великому замыслу. Только потом по-настоящему начинается жизнь.

Андрей хотел было спросить, чьему именно замыслу надо подчиниться и какому из замыслов, но подумал, что в ответ на этот вопрос собеседник обязательно всучит ему какую-нибудь брошюру, и промолчал.

– Может, вы и правы, – сказал он, вставая из-за стола, – спасибо за беседу. Извините, у меня просто с утра настроение плохое. Вы, я вижу, очень образованный человек.

– Так у меня работа такая, – сказал сосед. – Спасибо вам. А вот это возьмите на память.

Сосед протянул ему маленький цветной буклет, на обложке которого было нарисовано неправдоподобно розовое ухо, в которое влетала сияющая – видимо, с отблеском высшей гармонии – металлическая нота с двумя крылышками, примерно двенадцатого калибра. Поблагодарив, Андрей сунул буклет в карман и пошел к выходу.

Торопиться было некуда, но все равно он шел быстро, время от времени с извинениями задевая кого-нибудь из множества людей, бродивших, как и всегда в это время дня, по узким коридорам. Они глядели в окна, улыбались, и на их лицах дрожали пятна солнечного света. Отчего-то было необычно много молодых, но уже растолстевших женщин в турецких спортивных костюмах – вокруг них крутились молчаливые дети, занятые бессистемным изучением окружающего мира. Иногда рядом появлялись мужья в майках навыпуск; у многих в руках было пиво.

Андрей чувствовал, что наступивший день уже взял его в оборот и

принуждает думать о множестве вещей, которые его совершенно не интересуют. Но сделать ничего было нельзя – голоса и звуки из окружающего пространства беспрепятственно проникали в голову и начинали перекатываться внутри, как шарики в лотерейном барабане, становясь на время его собственными мыслями. Сначала все заполняли несущиеся из невидимых динамиков inferнальные частушки, потом пришлось думать о какой-то Надежде, к которой придут после отбоя, потом стали передавать прогноз погоды, и Андрей начал коситься в проплывающие мимо окна, за которыми должен был усилиться южный ветер. Несколько раз он обходил кучки людей, склонившихся перед походным алтарем очередного наперсточника, – больше всего поражало то, что все наперсточники и их ассистенты были очень похожи друг на друга и даже изъяснялись с одним и тем же южным выговором, словно это была особая народность, где с детства изучали искусство прятать под грязным ногтем большого пальца поролоновый шарик и передвигать по картонке три перевернутых стакана. Прошло еще несколько минут, и Андрей наконец остановился у двери из желтоватого пластика с цифрой «XV» и царапиной, похожей на обращенную вверх стрелу.

Хан был один – он сидел за столом, прихлебывал чай и глядел в окно. На нем, как обычно, был черный тренировочный костюм с надписью «Angels of California», который всегда вызывал у Андрея легкие сомнения по поводу калифорнийских ангелов. Еще Андрей заметил, что Хан давно не брился и стал похож на Тосиро Мифунэ, входящего в очередной образ, – похож тем более, что из-за примеси монголоидной крови глаза у него были такими же раскосыми.

- Привет, – сказал Андрей.
- Привет. Закрой дверь.
- А если соседи вернуться?
- Не вернутся, – сказал Хан.

Андрей закрыл дверь, и никелированный замок громко щелкнул. У него мелькнуло какое-то нехорошее предчувствие – щелчок замка напоминал звук передергиваемого затвора. Потом собственный страх показался ему смешным.

- Садись, – сказал Хан, кивая на место напротив.
- Андрей сел.
- Что нового? – спросил Хан.
 - Так, – сказал Андрей. – Ничего. Ты когда-нибудь думал, куда делись последние пять лет?
 - Почему именно пять?

– Цифра не имеет значения, – сказал Андрей. – Я говорю «пять», потому что лично я помню себя пять лет назад точно таким же, как сейчас. Так же шатался тут повсюду, глядел по сторонам, думал то же самое. А ведь еще пять лет пройдут, и то же самое будет, понимаешь?... Чего ты на меня так смотришь странно?

– Эй, – сказал Хан, – приди в себя.

– Да я вроде в себе.

Хан покачал головой.

– Скажи-ка мне быстро, – проговорил он, – что такое желтая стрела?

Андрей удивленно поднял глаза.

– Вот странно, – сказал он. – Я сегодня в ресторане как раз думал о желтых стрелах. Точнее, не о желтых стрелах, а так. О жизни. Знаешь, там скатерть была грязная, и на нее свет падал. Я подумал...

– Ну-ка встань.

– Зачем?

– Встань, встань, – повторил Хан и вылез из-за стола.

Андрей поднялся на ноги, и Хан довольно грубо схватил его за воротник и несколько раз тряхнул.

– Вспомни, – сказал он, – почему ты сюда пришел?

– Убери руки, – сказал Андрей, – что ты, одурел? Я просто так зашел.

– Где мы находимся? Что ты сейчас слышишь?

Андрей отодрал его руки от своей куртки, недоуменно наморщился и вдруг понял, что слышит ритмично повторяющийся стук стали о сталь, стук, который и до этого раздавался все время, но не доходил до сознания.

– Что такое желтая стрела? – повторил Хан. – Где мы?

Он развернул Андрея к окну, и тот увидел кроны деревьев, бешено проносящиеся мимо стекла слева направо.

– Ну?

– Подожди, – сказал Андрей, – подожди.

Он схватился руками за голову и сел на диван.

– Я вспомнил, – сказал он. – «Желтая стрела» – это поезд, который идет к разрушенному мосту. Поезд, в котором мы едем.

Taken: , 1

– Ты сейчас помнишь, что с тобой было? – спросил Хан.

– Уже плохо, – сказал Андрей. – Только в общих чертах. Вроде ничего особенного и не произошло. Как меня зовут, я знал, из какого я купе – тоже. Но это как будто был совсем не я. Я себя очень странно чувствовал – словно есть разница, в каком вагоне ехать. Словно у всего происходящего появилось бы больше смысла, если бы скатерть в ресторане была чистой. Или если бы по телевизору показывали другие хари, понимаешь?

– Можешь не объяснять, – сказал Хан. – Ты просто стал на время пассажиром.

Андрей отвернулся от окна и поглядел на стену тамбура, где была панель с двумя пыльными циферблатами и надписью «проверять каждые...» (далее был пропуск).

– Я и сейчас пассажир, – сказал он. – И ты тоже.

– Нормальный пассажир, – сказал Хан, – никогда не рассматривает себя в качестве пассажира. Поэтому если ты это знаешь, ты уже не пассажир. Им никогда не придет в голову, что с этого поезда можно сойти. Для них ничего, кроме поезда, просто нет.

– Для нас тоже нет ничего кроме поезда, – мрачно сказал Андрей. – Если, конечно, не обманывать самих себя.

Хан усмехнулся.

– Не обманывать самих себя, – медленно повторил он. – Если мы не будем обманывать самих себя, нас немедленно обманут другие. И вообще, сумеешь обмануть то, что ты называешь «самим собой», – очень большое достижение, потому что обычно бывает наоборот – это оно нас обманывает. А есть ли что-нибудь другое, кроме нашего поезда, или нет, совершенно не важно. Важно то, что можно жить так, как будто это другое есть. Как будто с поезда действительно можно сойти. В этом вся разница. Но если ты попытаешься объяснить эту разницу кому-нибудь из пассажиров, тебя вряд ли поймут.

– Ты что, пробовал? – спросил Андрей.

– Пробовал. Они не понимают даже того, что едут в поезде.

– Какой-то бред получается, – сказал Андрей. – Пассажиры не понимают того, что едут в поезде. Услышал бы тебя кто-нибудь.

– Но ведь они и правда этого не понимают. Как они могут понять то, что и так отлично знают? Они даже стук колес перестали слышать.

– Да, – сказал Андрей, – это точно. Это я на себе почувствовал. Я, когда в ресторан зашел, еще подумал – как тихо, когда нет никого.

– Вот именно. Тихо-тихо. Даже слышно, как ложечка в стакане звенит. Запомни, когда человек перестает слышать стук колес и согласен ехать дальше, он становится пассажиром.

– Нас никто не спрашивает, – сказал Андрей, – согласны мы или нет. Мы даже не помним, как мы сюда попали. Мы просто едем, и все. Ничего не остается.

– Остается самое сложное в жизни. Ехать в поезде и не быть его пассажиром, – сказал Хан.

Дверь в тамбур распахнулась, и вошел проводник. Андрей узнал своего соседа по столику в ресторане – только теперь он был в фуражке, а его китель с петлицами, на которых серебрились какие-то скрещенные молотки или разводные ключи, был расстегнут на выпуклом животе, и виднелась вязаная малиновая жилетка, надетая поверх форменной черной рубахи. Он рассеянно крутил вокруг ладони веревку с символом своей должности – ключом, маленьким никелированным цилиндром с крестообразной ручкой, который использовался в качестве кастета при общении с пьяными пассажирами или для открывания бутылок. Проводник тоже узнал Андрея, широко улыбнулся и приложил три сложенных щепотью пальца к козырьку.

– Чего это он скалится? – спросил Хан, когда проводник скрылся в вагоне.

– Так. За столом разговорились. А что делать, если это опять случится?

– Что? – спросил Хан. – Ты про проводника?

– Нет. Если я опять стану пассажиром.

– Надо просто перестать им быть, и все. Это со всеми нами иногда бывает.

– Что значит – со всеми нами? Нас что, здесь много?

– Я думаю, да, – сказал Хан. – Должно быть много, только мы друг друга не знаем. Раньше точно было много.

– Скажи, а от кого ты про все это первый раз узнал?

– Не знаю, – сказал Хан, – я их не видел.

– Как это? Как ты мог что-то узнать от тех, кого ты не видел?

– А вот так, – сказал Хан, и Андрей понял, что тот не собирается дальше развивать эту тему.

– Ну а где они сейчас? – спросил он.

– Я думаю, что они там, – сказал Хан и кивнул за окно, где плыло бесконечное поле, заросшее травой, по которой, как по воде, шли волны от

ветра.

– Они умерли?

– Они сошли. Однажды ночью, когда поезд остановился, они открыли дверь и сошли.

– По-моему, ты что-то путаешь, – сказал Андрей. – «Желтая стрела» не останавливается никогда. Это все знают.

– Послушай, – сказал Хан, – опомнись. Пассажиры не знают, как называется поезд, в котором они едут. Они даже не знают, что они пассажиры. Что они вообще могут знать?

Taken: , 1

Как только Андрей открыл дверь, он понял, что в его вагоне что-то произошло. У входа в одно купе стояло несколько человек в темных костюмах; плакала пожилая женщина в черной шали. Радио не работало, зато из купе, где жил Апель, неслась тягостная музыка: играл маленький магнитофон. Андрей вошел к себе.

– Что случилось? – спросил он Петра Сергеевича.

– Соскин умер, – сказал Петр Сергеевич, откладывая книгу. – Сейчас похороны.

– Когда это?

– Вчера ночью. К Апелью теперь очередника поделяют.

– Вот он чего такой мрачный был, – сказал Андрей и посмотрел на книгу, которую читал Петр Сергеевич. Это был Пастернак, «На ранних поездах».

– Да, – сказал Петр Сергеевич, – верно. Не получилось у него. Он сюда брата хотел переселить. Ты же понимаешь, один черножопый зацепится где-нибудь, а потом всех своих тащит. А бригадир документы посмотрел и говорит – он и так в купейном едет, а у нас в общих и плацкарте очередников полно. Хотя что-то я не очень верю, что он сюда кого-нибудь из плацкарты вселит. Просто Апель сунул мало. Или не тому – вот ему прикурить и дали.

Андрей вспомнил, что так и не купил сигарет.

– Про что книжка? – спросил он.

– Так, – ответил Петр Сергеевич. – Про жизнь.

Он опять погрузился в чтение. Андрей вышел в коридор. Из купе уже выносили тело, и он остановился у окна – протискиваться мимо скорбящих было не принято. Впрочем, процедура обычно не затягивалась.

Из открытой двери показался бледный профиль усопшего над краем оргалитового листа, который держали два проводника. Оргалитовый лист, специально использовавшийся для этих случаев, был с обеих сторон покрашен красной краской, обведен по краю черной каймой и больше всего походил на траурное знамя, так что было загадкой, почему в народе его прозвали подстаканником.

Покойник был по горло прикрыт старым малиновым одеялом. Откуда-то взявшийся Апель засуетился у окна, открывая его, – оно не поддавалось, и пара мужиков пришла ему на помощь. Вместе они оттянули раму вниз, и

образовался просвет сантиметров в сорок. Женщина в темной шали сразу же стала громко кричать, и ее под руки увели в купе. Проводники осторожно подняли подстаканник, выдвинули его край за окно и стали выталкивать покойника наружу – делали они это медленно, чтобы не оскорбить присутствующих суетливостью. Был момент, когда Соскин чуть было не застрял – зацепилось одеяло на груди.

Сквозь окно, возле которого стоял Андрей, была видна мертвая голова с бешено развевающимися на ветру волосами – она неслась в трех метрах над насыпью, и ее наполовину закрытые глаза были обращены к небу, которое постепенно затягивали высокие синие тучи. Отодвигаясь от желтой стены вагона, голова несколько раз дернулась и стала медленно клониться вниз. Потом за стеклом мелькнул малиновый край одеяла, и внизу глухо стукнуло. Еще через секунду мимо окна пролетели подушка и полотенце – по традиции их выбросили вслед за покойником.

Можно было идти за сигаретами, но Андрей все стоял и глядел в окно. Прошло несколько секунд. Вдруг зеленый склон оборвался, удары колес о стыки рельсов стали звонче, и мимо окна понеслись ржавые балки моста, за которыми была видна широкая голубая полоса неизвестной реки.

Taken: , 1

В ресторане играла музыка, та самая вечная кассета, где в конце был записан обрывающийся на середине «Bridge over troubled waters». За одним из столиков Андрей заметил своего старого приятеля Гришу Струпина в модном твидовом пиджаке, к лацкану которого была прицеплена крылатая эмблема МПС – стояла она бешеных денег, но у Гриши они были. Еще при коммунистах он приторговывал по тамбурам сигаретами и пивом, а сейчас развернулся совсем широко. Напротив Гриши сидел какой-то коротко стриженный иностранец и ел из алюминиевой миски гречневую кашу с икрой. Заметив Андрея, Гриша призывно замахал руками, и через минуту Андрей втиснулся на свободное место рядом с ними. Гриша за последнее время стал еще более пухлым, веселым и кудрявым – или, может быть, так казалось, потому что он был уже немного пьян.

– Здорово, – сказал он. – Знакомьтесь. Андрей, друг зловещего детства. Иван, товарищ зрелых лет и партнер по бизнесу.

Это, значит, парень из эмигрантов, понял Андрей. Они молча пожали руки. Андрей огляделся по сторонам в поисках знакомых лиц. Их не оказалось, зато вокруг, как всегда по вечерам, было много пьяных финнов и арабов.

– Выпьем? – спросил Гриша. Андрей кивнул, и Гриша налил из графина три больших рюмки «Железнодорожной особой».

– За наш бизнес, – поднимая рюмку, сказал Иван.

– Точно, – сказал Гриша и подмигнул Андрею. – Что это такое – бизнес, догадываешься?

– Догадываюсь примерно, – сказал Андрей, чокаясь. – По звучанию. «Бить», «пизда» и «без нас». А вообще я последнее время много всяких слов слышу. Бизнес, гностицизм, ваучер, копрофагия.

– Кончай интеллектом давить, – сказал Гриша, – пей лучше.

– Да, Григорий, – сказал Иван, выпив и выдохнув, – совсем забыл. Слушай. Предлагают большую партию туалетной бумаги с Саддамом Хусейном. Она после войны осталась, а спрос упал. Очень дешево. Сколько она у вас может стоять?

– Стоить-то она может много, – сказал Гриша. – Но я тебе, Иван, могу сразу сказать, что заниматься этим нет мазы. Реальный рынок для туалетной бумаги очень маленький – только СВ. Из-за этого даже браться не стоит.

– А общие и плацкарта? – спросил Иван.

– В сидячих она вообще никогда не шла, а сейчас из-за инфляции плацкарта тоже на газеты переходит.

– Ну хорошо, – сказал Иван, – с плацкартой понятно. А купе? Ведь там тоже...

– Пока да, – ответил Гриша. – Но нам это без разницы. Никто новый, я тебе отвечаю, туда не втиснется.

– Почему? – спросил Иван. – А если ты дешевле продавать будешь?

– Да как же я смогу, Ваня? Ты бы «Файненшл таймс» пореже читал. Если я хоть один рулон дешевле продам, меня в окно живьем выбросят. Я говорю, мазы нет.

– Но нельзя же всю жизнь сигаретами и пивом заниматься, – закуривая, сказал Иван. – Надо на что-то крупнее переходить. Ты насчет алюминия выяснил?

– Да, – ответил Гриша. – Это, кажется, реально.

– Какая схема? – спросил Иван.

– Валюта-рубли-валюта-валюта-валюта, – сказал Гриша.

Иван на секунду сощурил веки, словно смотрел на что-то далекое и ослепительное.

– Ага, – сказал он, вынул из кармана маленький калькулятор и погрузился в вычисления.

– Это как? – тихо спросил Гришу Андрей. – Что за схема?

– Как, как. Платишь старшему проводнику, а он чайные ложки списывает. Это человек серьезный – берет только валютой. Условие такое – ложки надо переломать, потому что целые за погрантамбур не пропустят. И вообще, с ними проблемы могут быть. Стало быть, нужны ломтики. Берут они рублями, примерно десять процентов от того, что возьмет старший проводник. Эта часть называется валюта-рубли. И еще три раза надо валюту платить – в штабном вагоне, на погрантамбуре и рэкету.

– А как он считает? – прошептал Андрей, кивая на Ивана. – Откуда он знает, сколько кому надо платить?

– Так курс же печатают каждый день, – сказал Гриша. – Покупки и продажи. Ты вообще где живешь, а? У меня такое чувство, что ты из реального мира давно куда-то выпал. Тусуешься все с этим Ханом – это, кстати, кличка у него или имя?

– Имя, – сказал Андрей. – А кличка у него, если тебе интересно, Стоп-кран.

– Что это такое?

– Это такая штука на титане, – сказал Андрей, – чтобы пар выходил.

Он раньше на титане работал, воду кипятил.

– Господи, – сказал Гриша, – на титане. Ты бы еще с официантом подружился.

Иван поднял голову.

– Нормально, – сказал он. – Будем делать. А как по латуни?

– Тяжелее, – ответил Гриша. – В принципе схема та же, но только все подстаканники на номерном учете. На каждый нужен отдельный акт по списанию. Это надо заместителю бригадира платить, а у меня на него прямого выхода нет. Я с одним его секретарем говорил, но он осторожный очень. Как про подстаканники услышал, сразу с базара съехал.

– По понятиям его провел? – спросил Иван.

– Нет пока. Он, похоже, ботаник.

– Ну хорошо, – сказал Иван. – С ложками начинай прямо завтра, а насчет латуни потом решим.

Он встал, вежливо попрощался и пошел к выходу. Гриша проводил его взглядом и повернулся к Андрею.

– Я у него в гостях был недавно, – сказал он. – Представляешь, в вагоне только три купе, и в каждом отдельная ванна. Уровень жизни, конечно...

– А что это такое, – спросил Андрей, – уровень жизни?

– Брось, Андрей, – поморщившись, сказал Гриша. – Чего я не люблю, так это когда ты дураком прикидываешься. Давай лучше накатим.

– Давай. Слушай, скажи мне, только честно, – тебе подстаканниками не страшно заниматься?

Гриша открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг задумался и даже полуприкрыл глаза. Его лицо на несколько секунд стало неподвижным и мертвым – только кудрявые волосы шевелились в струе влетающего в открытое окно воздуха.

– Нет, не страшно, – сказал он наконец. – А чернуху, Андрюша, я от себя гоню.

Taken: , 1

– Хан, – сказал Андрей, – все-таки объясни мне. Как ты мог что-то узнать от тех, кого ты никогда не видел?

– Чтобы узнать что-то от человека, не обязательно его видеть. Можно получить от него письмо.

– Ты что, получил такое письмо?

Хан кивнул.

– Ты можешь мне его показать? – спросил Андрей.

– Могу, – сказал он. – Но это надо долго идти.

С каждым вагоном на восток коридоры плацкарты становились все запущеннее, а занавески, отделявшие набитые людьми отсеки от прохода, – все грязнее и грязнее. В этих местах было небезопасно даже утром. Иногда приходилось перешагивать через пьяных или уступать дорогу тем из них, кто еще не успел упасть и заснуть. Потом начались общие вагоны – как ни странно, воздух в них был чище, а пассажиры, попадавшие навстречу, – как-то опрятнее. Мужики здесь ходили в тренировочной затрапезе, а женщины – в застиранных бледных сарафанах; сиденья были отгорожены друг от друга самодельными ширмами, а на газетах, расстеленных прямо на полу, лежали карты, яичная скорлупа и нарезанное сало. В одном вагоне сразу в трех местах пели под гитару – и, кажется, одну и ту же песню, гребенщиковский «Поезд в огне», но разные части: одна компания начинала, другая уже заканчивала, а третья пьяно пережевывала припев, только как-то неправильно – пели «этот поезд в огне, и нам некуда больше жить» вместо «некуда больше бежать».

– Кстати, насчет писем, – сказал Хан, подныривая под очередную веревку с бельем. – Ты и сам много раз их получал. Можно даже сказать, что ты их получаешь каждый день. И все остальные тоже.

– Не понимаю, о чем ты, – сказал Андрей. – Лично я никаких писем не получал.

– Ты когда-нибудь думал, почему наш поезд называется «Желтая стрела»?

– Нет, – ответил Андрей. – Я тебе, знаешь ли, поверил на слово.

– Подумай.

Голоса за разноцветными занавесками постепенно изменялись, стал заметен южный акцент. После тюремного вагона, где мимо запертых

дверей ходил вооруженный проводник в ватнике и фуражке, начались полупомойки-полутаборы в невероятно переполненных общих вагонах, кишачих грязными цыганскими детьми, а потом пошли пустые вагоны – говорили, что раньше и в них кто-то ехал, но теперь там остались только голые лавки, изрезанные перочинными ножами, и стены с дырами от пуль и следами огня. Половина стекол в них была перебита, из дыр бил холодный ветер, а полы были завалены мусором – старой обувью, газетами и осколками бутылок. Андрей хотел уже спросить, долго ли еще идти, когда Хан обернулся.

– Почти пришли, – сказал он, – следующий тамбур. Так почему наш поезд так называется?

– Не знаю, – сказал Андрей. – Наверно, это что-то мифологическое. Может быть, ночью, когда все его окна горят, он со стороны похож на летящую стрелу. Но тогда должен быть кто-то, кто увидел его со стороны, а потом вернулся в поезд.

– Он похож на стрелу не только со стороны.

Они вышли в тамбур. Хан шагнул влево и молча открыл дверку, за которой зиял черный зев ржавой печки и изгибалась труба с манометром, на котором висела окостеневшая сухая тряпка. В последних вагонах перед границей уже давно не было горячей воды, а эту печку, было похоже, не топили лет десять, с самого начала Перецепки.

– В углу, – сказал Хан, – на стене. Зажги спичку.

Андрей втиснулся в темное узкое пространство и зажег спичку. На стене была выцарапанная на краске надпись, очень старая и еле заметная. Это были несколько предложений, написанных крупными печатными буквами, столбиком, словно стихи:

ТОТ, КТО ОТБРОСИЛ МИР,
СРАВНИЛ ЕГО С ЖЕЛТОЙ ПЫЛЬЮ.

ТВОЕ ТЕЛО ПОДОБНО РАНЕ,
А САМ ТЫ ПОДОБЕН СУМАСШЕДШЕМУ.

ВЕСЬ ЭТОТ МИР –
ПОПАВШАЯ В ТЕБЯ ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА.

ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА, ПОЕЗД, НА КОТОРОМ
ТЫ ЕДЕШЬ К РАЗРУШЕННОМУ МОСТУ.

– Кто это написал? – спросил Андрей.

– Откуда я знаю, – сказал Хан.

– Но ты хотя бы догадываешься?

– Нет, – сказал Хан. – Да это и не важно. Я же говорю, писем вокруг полно – было бы кому прочесть. Например, слово «Земля». Это письмо с таким же смыслом.

– Почему?

– Подумай. Представь себе, что ты стоишь у окна и смотришь наружу. Дома, огороды, скелеты, столбы – ну, короче, как интеллигенты говорят, культара.

– Культура, – поправил Андрей.

– Да. А большая часть этой культуры состоит из покойников вперемешку с бутылками и постельным бельем. В несколько слоев, и трава сверху. Это тоже называется «земля». То, в чем гниют кости, и мир, в котором мы, так сказать, живем, называются одним и тем же словом. Мы все жители Земли. Существа из загробного мира, понимаешь?

– Понимаю, – сказал Андрей. – Как не понять. Слушай, а ты когда-нибудь думал, откуда мы едем? Откуда идет этот поезд?

– Нет, – сказал Хан. – Мне это не особо интересно. Мне интересно узнать, как с него сойти. Ты у проводников спроси. Они тебе объяснят, откуда он идет.

– Да, – задумчиво сказал Андрей, – они объяснят, это точно.

– Идем назад?

– Я здесь постою немного. Догоню тебя минут через пять.

Когда Хан вышел, Андрей повернулся к окну. В этих местах он был первый раз. Странно, но из-за того, что вокруг не было людей, ему в голову приходили необычные мысли, которые никогда не посещали его где-нибудь в ресторане, хотя все необходимое для их появления было и там.

То, что он видел в окне, когда смотрел назад, – участок насыпи, украшенный каким-нибудь уносящимся в прошлое кустом или деревом, – был точкой, где он находился секунду назад, и если бы вагон, в котором он ехал, был последним, то там осталась бы только пустота и покачивающиеся ветки по бокам от рельсов.

«Если бы все то, что существовало миг назад, не исчезало, – думал он, – то наш поезд и мы сами выглядели бы не так, как мы выглядим. Мы были бы размазаны в воздухе над шпалами. Мы были бы чем-то вроде переплетающихся друг с другом змей, а вокруг этих змей тянулись бы бесконечные ленты пластмассы, стекла и железа. Но все исчезает. Каждая прошлая секунда со всем тем, что в ней было, исчезает, и ни один человек

не знает, каким он будет в следующую. И будет ли вообще. И не надоест ли господу Богу создавать одну за другой эти секунды со всем тем, что они содержат. Ведь никто, абсолютно никто не может дать гарантии, что следующая секунда наступит. А тот миг, в котором мы действительно живем, так короток, что мы даже не в состоянии успеть ухватить его и способны только вспоминать прошлый. Но что тогда существует на самом деле и кто такие мы сами?»

Андрей увидел в стекле свое прозрачное отражение и попытался представить себе, как оно исчезает, а на его месте появляется другое, и так без конца.

«Я хочу сойти с этого поезда живым. Я знаю, что это невозможно, но я этого хочу, потому что хотеть чего-нибудь другого просто сумасшествие. И я знаю, что эта фраза – „я хочу сойти с поезда живым“ – имеет смысл, хотя слова, из которых она состоит, смысла не имеют. Я даже не знаю, кто такой я сам. Кто тогда будет выбираться отсюда? И куда?»

Он снова поглядел в окно. Уже почти стемнело. По краям пути иногда возникали белые километровые столбики, отчетливо видные в сумраке и похожие на маленьких каменных часовых.

Taken: , 1

Андрей развернул свежий «Путь» на центральном развороте, где была рубрика «Рельсы и шпалы», в которой обычно печатали самые интересные статьи. Через всю верхнюю часть листа шла жирная надпись:

ТОТАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Устроившись поудобнее, он перегнул газету вдвое и погрузился в чтение: «Стук колес, сопровождающий каждого из нас с момента рождения до смерти, – это, конечно, самый привычный для нас звук. Ученые подсчитали, что в языках различных народов имеется примерно двадцать тысяч его имитаций, из которых около восемнадцати тысяч относится к мертвым языкам; большинство из этих забытых звуко сочетаний даже невозможно воспроизвести по сохранившимся скудным, а часто и нерасшифрованным записям. Это, как сказал бы Поль Саймон, *songs, that voices never share*. Но и существующие ныне подражания, имеющиеся в каждом языке, конечно, достаточно разнообразны и интересны – некоторые антропологи даже рассматривают их на уровне метаязыка, как своего рода культурные пароли, по которым люди узнают своих соседей по вагону. Самым длинным оказалось выражение, используемое пигмеями с плато Каннабис в Центральной Африке, – оно звучит так:

«У-ку-лэ-лэ-у-ку-ла-ла-о-бэ-о-бэ-о-ба-о-ба».

Самым коротким звукоподражанием является взрывное «п», которым пользуются жители верховьев Амазонки. А вот как стучат колеса в разных странах мира:

В Америке – «джинджерэл-джинджерэл».

В странах Прибалтики – «па-дуба-дам».

В Польше – «пан-пан».

В Бенгалии – «чуг-чунг».

В Тибете – «дзог-чен».

Во Франции – «клик-клик».

В тюркоязычных республиках Средней Азии – «бир-сум», «бир-сом» и «бир-манат».

В Иране – «авдаль-халлаж».

В Ираке – «джалал-идди».

В Монголии – «улан-далай». (Интересно, что во Внутренней

Монголии колеса стучат совсем иначе – «ун-гер-хан-хан».)

В Афганистане – «накшбанди-накшбанди».

В Персии – «карнак-зебуб».

На Украине – «тріх-тарарух».

В Германии – «вриль-шрапп».

В Японии – «додеска-дзен».

У аборигенов Австралии – «тулуп».

У горских народов Кавказа и, что характерно, у басков – «дарлан-бичесын».

В Северной Корее – «улду-чу-чхе».

В Южной Корее – «дулду-кван-ум».

В Мексике (особенно у индейцев уичотль) – «тональ-нагваль».

В Якутии – «тыдын-тыгыдын».

В Северном Китае – «цао-цао-тан-тиен».

В Южном Китае – «дэ-и-чань-чань».

В Индии – «бхай-гхош».

В Грузии – «коба-цап».

В Израиле – «таки-бац-бубер-бум».

В Англии – «клик-о-клик» (в Шотландии – «глюк-о-клок».)

В Ирландии – «бла-бла-бла».

В Аргентине...»

Андрей перевел взгляд в самый низ страницы, где длинные столбцы перечислений заканчивались коротким заключительным абзацем:

«Но, конечно, красивее, задушевнее и нежнее всего колеса стучат в России – „там-там“. Так и кажется, что их стук указывает в какую-то светлую зоревую даль – там она, там, ненаглядная...»

В дверь постучали, и Андрей рефлекторно схватился за рукоять замка, чуть не свалившись с унитаза.

– Скоро ты там? – спросил голос в коридоре.

– Сейчас, – сказал Андрей и смял газету в неровный ком.

«Там-там, – стучали колеса под мокрым заплеванным полом, – там-там, там-там, там-там, там-там, там-там, там-там, там-там...»

В соседнем вагоне была пробка – там шли похороны. Мимо пропускали, но толпа двигалась очень медленно, подолгу застывая на месте.

– Бадасов умер, – сказал рядом чей-то голос.

Перед Андреем стояла беспокойная девочка с огромными грязными бантами в волосах. Стуча кулаком в стекло, она глядела в окно, иногда поворачиваясь к стоящей рядом матери, одетой в турецкий спортивный

КОСТЮМ.

- Мама, – спросила вдруг она, – а что там?
- Где там? – спросила мама.
- Там, – сказала девочка и ткнула кулаком в окно.
- Там-там, – с ясной улыбкой сказала мама.
- А кто там живет?
- Там животные, – сказала мама.
- А еще кто там?
- Еще там боги и духи, – сказала мама, – но их там никто не видел.
- А люди там не живут? – спросила девочка.
- Нет, – ответила мама, – люди там не живут. Люди там едут в поезде.
- А где лучше, – спросила девочка, – в поезде или там?
- Не знаю, – сказала мама, – там я не была.
- Я хочу туда, – сказала девочка и постучала пальцем по стеклу окна.
- Подожди, – горько вздохнула мать, – еще попадешь.

Пьяные проводники наконец управились с подстаканником, труп шмякнулся о землю, подпрыгнул и покатился вниз по откосу. Вслед полетели подушка, полотенце, два красных венка и мраморное пресс-папье – покойный, судя по всему, был человек заметный.

– Я хочу туда-а, – пропела девочка на несуществующий мотив, – там-там, там-там...

Мать дернула ее за руку, приложила палец к губам и, сделав страшные глаза, кивнула на толпу скорбящих. Заметив, что Андрей смотрит на девочку, она подняла на него глаза и чуть выгнула брови, как бы приглашая на вершину годов, прожитых неким абстрактным Вахтангом Кикабидзе, чтобы снисходительно улыбнуться оттуда трогательной детской наивности.

– Чего это вы на меня так смотрите, – сказал женщине Андрей, – я, может, тоже туда хочу.

– Это что, – спросила женщина, – в снежные люди, что ли?

Андрей вспомнил цепочку следов на снегу за окном, которую год назад видел из окна ресторана – это явно были отпечатки ботинок, несколько десятков метров тянувшиеся вдоль пути, а затем совершенно неожиданно прервавшиеся, словно тот, кто их оставил, растворился в воздухе.

Taken: , 1

Над столом горела лампа, и Петр Сергеевич пил свой вечерний чай. Он подносил к губам аккуратно обмотанный вафельным полотенцем стакан, дул в него и громко чмокал губами. Чай он всегда пил с легким отвращением, словно целовался с женщиной, которую уже давно не любит, но не хочет обидеть невниманием.

– Судить их надо, – вдруг сказал он. – Судить надо этих сволочей, вот что я тебе скажу.

– Кого? – спросил Андрей. Он лежал на своем месте, заложив руки за голову, и глядел в потолок, по которому ползла какая-то живая черная точка.

– Всех, – сказал Петр Сергеевич и почему-то перешел на шепот. – Весь штабной вагон начиная с бригадира. Ты посмотри, что делается. Ложек уже нет, привыкли. Ладно. А теперь подстаканники. Где подстаканники, а? Скажи мне, где подстаканники?

– Украл, надо думать, – сказал Андрей.

– А воры кто? – вскричал Петр Сергеевич тоном Чацкого, устраивающего очередное разоблачение в тамбуре вагона Фамусовых. – Да и не просто воры уже. Это раньше воровали. А теперь – знаешь, как это называется? Родиной торгуют, вот что.

– Да бросьте вы, – сказал Андрей. – Вы же не в подстаканнике родились. И не в ложке.

– Не в ложке. Да ты что думаешь, мне ложек твоих жалко? Мне девочек жалко, чистых наших девочек, ласточек этих синеглазых, которые в плацкарте себя всякой мрази продают, понял?

Андрей промолчал.

– Воруют нагло, – сказал Петр Сергеевич, успокаиваясь. – Ничего не боятся. Власть потому что ихняя.

– Такого, чтоб не воровали, тут никогда не было, – сказал Андрей. – Нынешние хоть в окна живыми никого не кидают.

В запертую дверь купе сильно постучали.

– Кто там? – спросил Андрей.

– Андрей, это я, – крикнул голос из-за двери. – Открой быстрее!

Голос был Гришин. Андрей вскочил на ноги, открыл дверь, и Гриша, скользнув внутрь, сразу же запер ее за собой. Его лицо было в крови, а пиджак испачкан в нескольких местах. Андрей заметил, что на его лацкане

уже нет крылатой эмблемы МПС, а на ее месте зияет рваная дыра.

– Что случилось? – спросил он, усаживая Гришу на диван.

– Напали, – сказал Гриша. – Иду я, значит, из ресторана, один. Уже почти до дома дошел, и тут – представляешь? В переходе между вагонами. Четверо их было. Двое спереди и двое сзади. А у одного, сука, ложка заточенная.

– Много отняли-то?

– Много, – сказал он, – не спрашивай. Сегодня с Иваном расчет был – все забрали. Козлы. Ботаники.

Андрей намочил из графина вафельное полотенце и протянул его Грише.

– Что, – спросил он, – не заплатил вовремя?

– Да причем тут это, – сказал тот, прикладывая полотенце к скуле. – Это урла какая-то залетная. Не знают, на кого наехали. Ну да я завтра всех тут на уши поставлю.

– Может быть, навел кто-нибудь?

– Ты что, – сказал Гриша. – Кроме Ивана, никто про это и не знал. А ему это незачем. Я же тебе говорю, просто урла.

Петр Сергеевич, до этого деликатно прятавший лицо за газетой, высунулся и сказал:

– Вот так, Андрей. Вот так. Говоришь, нынешние из окон не кидают? А надо кидать. Вот именно как раньше делали – руки-ноги вязать, и головой вниз на шпалы. Публично. Тогда и чай будет сладкий, и вежливость в коридоре. И друга твоего никто тронуть не посмеет.

– А вы не боитесь, что вас самого выкинут? – спросил Андрей.

– Меня-то за что? Я всю жизнь честно работал. Ты пройди по купейным вагонам – половина дверей вот этими руками поставлена. Я при всякой власти нужен.

– Двери? – оживился Гриша. – Простите, вас как звать? Петр Сергеевич, очень приятно. А я Григорий Струпин, директор совместного предприятия «Голубой вагон».

Петр Сергеевич пожал протянутую ему руку, улыбнулся и поправил воротник.

– Извините за мой внешний вид, – сказал Гриша, широко улыбаясь разбитым ртом и косясь на свой изуродованный лацкан, – так обстоятельства сложились. Мне как раз нужна небольшая консультация насчет дверей. Понятно, не бесплатная – потом по договору проведем.

– Ну, если смогу, – проговорил Петр Сергеевич.

– Скажите, а замки на дверях действительно из никеля?

– Нет, – сказал Петр Сергеевич, – понимаете ли, никелевое только покрытие. А сами замки...

– Слышь, Гриша, – сказал Андрей. – Вы тут поговорите пока, а я по коридору пройду. Посмотрю на всякий случай, ждет тебя кто-нибудь или нет.

Он закрыл за собой дверь. Коридор был безлюден. Андрей дошел до его конца и выглянул в тамбур – там никого не оказалось. С другой стороны вагона было то же самое. Он вернулся к двери в свое купе и услышал за ней оживленный голос Гриши и уклончивое хмыканье Петра Сергеевича. Несколько секунд постояв у порога, он пошел по вагону дальше, остановился у плексигласового кармана на стене и вытащил из него неизвестную брошюру. На обложке была фотография автора, усатого мужчины, похожего на сильно похудевшего, поумневшего и протрезвевшего Ницше, а называлась брошюра «Путеводитель по железным дорогам Индии». В ней не хватало примерно половины страниц, вырванных с мясом со скрепок. Андрей остановился на освещенной площадке перед тамбуром, поставил ногу на треугольную крышку мусорного бака, прислонился плечом к окну и стал читать тот лист, которому предстояло покинуть книгу следующим:

«советовал мне преподобный Шри Бававсенаху, я задал себе этот вопрос. Ответ пришел почти сразу – сколько я себя помню, больше всего в жизни я люблю подолгу стоять у открытого окна в коридоре, поставив ногу на треугольную крышку мусорного бака, высунув наружу локти и глядя на несущуюся мимо стену джунглей. Иногда приходится прижиматься плечом к стеклу, пропуская идущих в тамбур, и тогда я вспоминаю, что стою у окна мчащегося по Индии вагона, а все остальное время даже не очень понятно, что происходит и с кем. Не замечали ли вы, дорогой читатель, что когда долго глядишь на мир и забываешь о себе, остается только то, что видишь: невысокий склон в густых зарослях конопли (которую, стоит поезду замедлить ход, рвут специальными палками из соседних окон), оплетенная лианами цепь пальм, отделяющая железную дорогу от остального мира, изредка река или мост в колониальном стиле или защищенная стальной рукой шлагбаума пустая дорога. Куда в это время деваюсь я? И куда деваются эти деревья и шлагбаумы в то время, когда на них никто не смотрит?

Да какая мне разница. Важно ведь совсем другое. Ближе всего к счастью – хоть я и не берусь определить, что это такое, – я бываю тогда, когда отворачиваюсь от окна и краем сознания – потому что иначе это невозможно – замечаю, что только что меня опять не было, а был просто

мир за окном и что-то прекрасное и непостижимое, да и абсолютно не нуждающееся ни в каком «постижении», несколько секунд существовало вместо обычного роя мыслей, одна из которых подобно локомотиву тянет за собой все остальные, обволакивает их и называет себя словом «я». Опять слышен трубный клич далекого слона, вероятно белого, – счастлив ли...»

– Эй!

Андрей поднял глаза. Перед ним стоял Гриша.

– Ну чего? Кого-нибудь видел?

– Нет, – ответил Андрей. – Ты бы посидел еще полчаса на всякий случай.

– Нет, – сказал Гриша, – пойду. Сосед у тебя полезный мужик оказался. Я с ним завтра утром встречу назначил. Ну пока.

– Пока.

Гриша исчез за дверью тамбура. Андрей закрыл брошюру, сунул ее в карман и пошел к себе в купе.

Минут через пять, когда уже был выключен свет и он изо всех сил старался успеть заснуть до того момента, когда Петр Сергеевич начнет храпеть, тот вдруг прокашлялся и сказал:

– Слышь, Андрей. А чего это Григорий тебя мистиком называет? Шутит?

– Да, – сказал Андрей. – Конечно, шутит. Круче него тут мистиков нет.
Taken: , 1

Как всегда, Андрея разбудило радио – бескрайний баритон читал стихи:

Петроградское небо мутилось дождем,
в никуда уходил эшелон.
Без конца взвод за взводом и вождь за вождем
наполнял за вагоном вагон...

Петр Сергеевич еще храпел. Андрей поглядел в окно. Небо было низким и серым и действительно, всюду мутилось дождем, крошечные капли которого расшибались о стекло.

В дверь постучали.

– Да-да.

Вошел проводник с чаем. Поставив стаканы на стол, он прибрал сторублевку и закрыл за собой щелкнувшую никелированным замком дверь.

От этого щелчка проснулся Петр Сергеевич. Странно, но вместо того чтобы, по обыкновению, отвернуться к стене и заснуть еще часа на два, он, как на пружине, приподнялся на локте и посмотрел на Андрея совершенно безумным взглядом.

– Вы сегодня опять храпели, – сказал Андрей.

– Да? А ты свистел?

– Свистел, – ответил Андрей.

– А сколько времени? – спросил Петр Сергеевич.

– Половина десятого.

Петр Сергеевич выматерился, вскочил на ноги и принялся торопливо причесываться – оказалось, что он спал в костюме и даже с галстуком на шее.

– Вы куда так спешите? – спросил Андрей.

– Дела, – сказал Петр Сергеевич, зажал под мышкой потертую кожаную папку, с которой Андрей не видел его уже года три, и выскочил в коридор.

Андрей повернулся к стене и закрыл глаза. Стихи по радио кончились, и начались объявления. Андрей повернул ручку громкости против часовой

стрелки до упора, но голоса все равно были явственно слышны.

«Каждому, каждому в лучшее верится, – пропел детский хор, – катится, катится голубой вагон». – Фирма «Голубой вагон», – сказало взволнованное контральто. – Наш поезд – действительно скорый».

Это была Гришкина реклама. В динамике что-то пискнуло, и жизнерадостный мужской голос продекламировал: «Сигареты марки „Бой“. Покурил, и хрен с тобой». Потом была долгая пауза, и, наконец, объявили «Утренний кинозал».

– Сегодня мы поговорим о фильме японского кинорежиссера Акиры Куросавы «Додескаден», – гнусаво заговорил ведущий, – снятом в 1970 году по новелле писателя Акутагавы Рюноске «Под стук невидимых колес». Собственно говоря, само название фильма и является японской имитацией звука стучащих о рельсы колес. Итак, закройте глаза и представьте себе раннее утро в послевоенном японском вагоне купейного типа. Хлопают двери, в коридор выходят спешащие по своим делам люди. Сквозь закопченные недавними боями стекла уже светит знаменитое японское солнце. И вдруг в толпе появляется первый из героев, которого в вагоне называют «трамвайным сумасшедшим». Дело в том, что этот молодой человек воображает себя водителем невидимого маленького поезда – по-японски «трамвая», – который ездит взад-вперед по реальному вагону. Согласитесь, концепция непростая и требующая осмысления...

Андрей встал и начал быстро одеваться. Надев куртку, он плотно застегнул ее на все пуговицы, взял с верхней полки темные очки и кепку с козырьком, потом сунул в карман перчатки и маленький деревянный клин, который вынул из-под матраса. Пока он одевался, радио почти не было слышно, но, когда он на секунду замер у дверей, думая, все ли он взял, опять стал слышен вкрадчивый и гнусавый голос:

– Надо сказать, что герои фильма занимаются делами, которые с полным правом можно назвать важными и серьезными, – это мелкооптовая торговля, медленное умирание с голоду, воровство, деторождение и так далее. И вот, проводя параллель между жизнью этих людей и действиями «трамвайного сумасшедшего», который взад-вперед бежит по коридору вагона и кричит: «додеска-дэн! додеска-дэн!», имитируя стук существующих только в его сознании колес отдельного маленького поезда, Куросава как бы стремиться показать, что каждый из социально адекватных героев тоже, в сущности, едет по реальному вагону в своем собственном маленьком иллюзорном «трамвае». Но, однако, Куросава не намечает никаких путей выхода из показанного им бесприютного мира. Чего там, напугать людей просто, а вот...

В коридоре радио не работало. Андрею повезло довольно быстро – через два тамбура на восток он оказался в совершенно пустом вагоне. Судя по запаху, там морили тараканов, и пассажиры прятались от запаха дихлофоса за плотно закрытыми дверьми. Быстро пройдя по пыльной ковровой дорожке, Андрей замер возле двери служебного купе, где напевающий проводник, склоняясь над огромной металлической раковиной, мыл пустые банки из-под пива (в соседнем вагоне их раскрашивали в национальном духе и продавали на Запад). Выждав момент, когда проводник отвернулся, Андрей проскользнул мимо двери и вошел в туалет. Закрывшись, он втиснул клин между дверью и рычагом замка и несколько раз ударил по нему ладонью – теперь проводник не смог бы отпереть дверь с той стороны даже своим ключом.

Окно открылось сразу. Андрей выглянул в образовавшийся просвет – все соседние окна были заперты. Он надел перчатки, кепку и очки, повернулся к окну спиной и заведенными назад руками уцепился за верхний край рамы. Потом уперся ногой в дюралевую ручку на стене, изогнулся и стал медленно и осторожно высовываться наружу.

Он уже давно мог повторить все необходимые движения с закрытыми глазами, но все равно каждый раз ему на несколько секунд становилось не по себе. В оккультных книгах, которые продавали в тамбуре у ресторана, эта процедура была описана очень запутанно и таинственно, со множеством иносказаний, – о ней явно писали люди, не понимавшие, про что они на самом деле рассказывают. Самым простым эвфемизмом происходящего было выражение «ритуальная смерть». В каком-то смысле так оно и было – то же самое происходило с умершим, которого выдвигали из окна, чтобы сбросить на насыпь. Но, конечно, это было единственным сходством, хотя процедура действительно была довольно рискованной. А что касалось темного подсознательного страха, то от него спасали только трезвость и чувство юмора – Андрей напоминал себе, что попросту лезет на крышу вагона.

Над окном был вогнутый карниз для стока воды. Андрей ухватился за его край и подтянулся вверх – теперь он сидел на краю окна, свесив ноги внутрь. Далеко впереди по ходу поезда показалась зеленая полоска кустов, и он полез быстрее, чтобы его не исхлестали ветки. Через несколько секунд он уже был наверху, на ребристой и непривычно широкой крыше вагона, покрытой облупившейся желтой краской и усеянной ржавыми грибами вентиляционных башенок. Встав на ноги, он осмотрелся.

Далеко на западе на крыше стояли люди, но отсюда никого нельзя было разглядеть. Перепрыгнув через несколько вагонных стыков, Андрей

нашел вмятину, по которой он узнавал место, под которым было купе Хана, и постучал по ней ногой.

Хан появился минут через пять – на нем была брезентовая куртка с капюшоном и такие же очки, как у Андрея. Они молча пошли на запад, с разбега перепрыгивая пустоты над резиновыми сочленениями переходов.

Вскоре позади осталась скользкая крыша ресторана, вагон с погрантамбуром, и те, кто стоял впереди, стали приветственно махать руками. Андрей узнал нескольких человек и помахал в ответ. В обычном смысле знаком он ни с кем не был – все общение с людьми, которых они с Ханом встречали наверху, сводилось к обмену приветственными жестами. Они миновали неподвижного старика в грязном ватнике и старой военной ушанке – как обычно, он сидел по-турецки в центре крыши и курил длинную трубку с крошечным металлическим чубуком (было непонятно, как он ухитряется зажигать ее на таком ветру). Дальше сидела компания в длинных темно-серых рясах – лица этих людей были скрыты капюшонами, так что нельзя было ничего сказать ни об их поле, ни о возрасте. Расположившись кружком, они изучали непонятную геометрическую фигуру, начерченную углем на крыше вагона. Фигура была та же, что и раньше, – круг с какими-то симметричными линиями, похожими на разомкнутую звезду. Андрей вспомнил, что и прошлым, и даже позапрошлым летом они были заняты тем же самым – было совершенно неясно, с какой целью они так долго смотрят на этот простой рисунок.

Вообще, Андрей сомневался, что люди, которых он встречает на крыше, лезут на нее с какой-нибудь определенной целью. У него самого такой цели никогда не было, и он ничего от этих прогулок не ждал. Правда, с Ханом он познакомился именно здесь. В тот раз они не перемолвились ни словом – здесь никто никогда ни с кем не говорил, – но узнали друг друга через день или два, столкнувшись в коридоре. Позже Хан сказал, что подниматься на крышу не только бесполезно, но, скорее, даже вредно, потому что там человек оказывается только дальше от возможности по-настоящему покинуть поезд, – но все равно они продолжали сюда лазить, просто для того, чтобы хоть на время покинуть осточертевшее пространство всеобщей жизни и смерти. Ни начала, ни конца поезда видно не было – линия вагонов, несколько раз изгибаясь в поле зрения, доходила в обе стороны до горизонта, но все же локомотив где-то существовал, и этому, помимо множества внутривагонно-метафизических обоснований, были два прямых доказательства – толстый медный провод в полуметре над головой и иногда доносившийся неведомо откуда тихий протяжный гул.

Андрей почувствовал, как Хан дергает его за рукав, и посмотрел туда, куда тот указывал. На соседней крыше стояла довольно странная компания – четверо человек, одетых, словно музыканты, в какие-то преувеличенно латиноамериканские наряды. В следующую секунду Андрей увидел в их руках инструменты и понял, что это действительно музыканты. Из-за грохота колес музыки совсем не было слышно, но ясно было, что маленький оркестр выкладывается изо всех сил, – тот, что играл на флейте Пана, от напряжения даже чуть приседал на месте, а у гитаристов были такие исступленные лица, словно в руках у них были не гитары, а винтовки и они шли на штурм бронекупе самого Пабло Эскобара. Андрей перевел взгляд дальше и увидел странного человека с широкой соломенной шляпой за плечами – он стоял опасно близко к краю вагона, пританцовывал на месте и размахивал руками, как будто пытался согреться. Ни этого человека, ни музыкантов Андрей раньше никогда тут не встречал.

Поезд мчался к реке или, может быть, узкому ответвлению озера, над которым был перекинут странный мост – у него были очень низкие ограждения, еле доходившие до крыши поезда. Андрей подумал, что их, наверно, можно было бы перепрыгнуть, и в тот самый момент, когда ему в голову пришла эта мысль, человек с соломенной шляпой на шнурке сильно оттолкнулся от крыши, оторвался от вагона и перелетел над ограждением моста.

Несколько секунд Андрей не мог поверить, что это действительно произошло. Потом он упал на живот, подполз к краю крыши и свесился с нее, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Вода под мостом была практически неподвижной; по ее поверхности расходились круги, в центре которых покачивалась похожая на огромную кувшинку соломенная шляпа. Прошло несколько долгих секунд, и над водой показался черный мячик головы. Человек поплыл к берегу, а потом все скрыла заросшая травой насыпь.

Андрей поднялся на ноги и поглядел на Хана. Тот восхищенно качал головой и, судя по движениям губ, что-то говорил. Все вокруг смотрели в сторону скрывшейся реки – даже непонятные люди в рясах, обычно не обращавшие никакого внимания на остальных, сейчас стояли на ногах и растерянно глядели на восток, где навсегда остался неизвестный. Только старик в ушанке все так же неподвижно сидел на своем обычном месте и пускал вдаль едва заметные на ветру струйки дыма – было непонятно, то ли он просто ничего не заметил, то ли видел и не такое. Музыканты куда-то исчезли. Андрей поискал их взглядом и увидел несколько маленьких фигурок, прыгающих с вагона на вагон – они успели отойти уже довольно

далеко на запад.

Taken: , 1

– Нравится? – спросил Антон. – Только честно.

– Что?

– Новая серия, – сказал Антон и кивнул на стол.

– Почему серия? – удивился Андрей. – Они же все одинаковые.

– В этом и концепт, – сказал Антон. – Они номерные, как литографии.

Андрей сидел на краю лавки, глядя на пивную банку в руках Антона. Тот тихо что-то мычал и водил по ней маленькой кисточкой, неестественно изогнув шею, чтобы не измазать в краске бороду – тем не менее на ней уже было несколько белых пятен, которые казались ранней сединой. Несколько готовых расписных банок стояло на столике – на всех был одинаковый рисунок: коридор вагона, по которому с чайными стаканами в руках идут румяные девушки в кокошниках и желтоволосые ребята в красных рубахах, все на одно лицо, похожее на вымя, – было это, как Андрей понял, сознательной и даже подчеркнутой цитатой из Гумилева, потому что из лиц торчали длинные коровьи соски, прыскающие струйками молока, а под рисунком славянской вязью было выведено:

Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

– Так что? – повторил Антон.

– По-моему, хорошо, – сказал Андрей. – Только уж очень социально. Все-таки «Будвейзер Господа моего» у тебя куда сильнее был.

– Не понимаю, – сказал Антон, – почему, что бы я ни нарисовал, все с «Будвейзером» сравнивают?

– Просто вспомнилось, – сказал Андрей. – Действительно гениальная вещь была.

Напротив Антона сидела его жена Ольга, которая мелкой шкуркой зачищала поверхность банок. Ее ноги были закрыты одеялом, потому что дверь в купе была снята с петель и по полу сильно дуло. На месте двери висело еще одно одеяло – оно не доставало до пола, и были видны ботинки и шлепанцы проходящих по коридору. Андрей поднял глаза на погнутые петли и покачал головой.

– Я понять не могу, как же вы им разрешили дверь снять? – спросил

он. – Ведь никто права не имел, если вы не согласны.

– А нас никто не спрашивал, согласны мы или нет, – сказал Антон. – Пришли и сказали, что конверсия. Из купейных в плацкартные. Подписать что-то дали, и все. Ну хватит об этом. Ты кого-нибудь из наших видел?

– Гришу часто вижу, – сказал Андрей. – Он сейчас, как они выражаются, поднялся, то есть денег много. Еще Серегу видел недавно. Очень сильно изменился. Не пьет, не курит. Утризм принял.

– Это еще что?

– Это религия такая, очень красивая. Они верят, что нас тянет вперед паровоз типа «У-3» – они его еще «тройкой» называют, – а едем мы все в светлое утро. Те, кто верит в «У-3», проедут над последним мостом, а остальные – нет.

– Да? – сказал Антон. – Надо же. Не слышал никогда. А ты сам его, часом, не принял?

– Нет, не принял, – сказал Андрей. – У меня все по-прежнему. Вот книжку хорошую читаю. Называется «Путеводитель по железным дорогам Индии». Совершенно случайно ее нашел. Потом, если хочешь, дам.

– А о чем там? – спросил Антон, поднимая банку над головой и внимательно ее разглядывая.

– Даже трудно так сказать. Просто человек едет в поезде по Индии и пишет о том, что с ним происходит. Причем так и не ясно – то ли он действительно по Индии едет, то ли просто так себе представляет. Тебе понравится.

– Она у тебя с собой? – спросил Антон.

– Да, – сказал Андрей.

– Прочти кусочек, а? А то у меня руки в краске.

– Какой кусочек? – спросил Андрей.

– Любой.

– Тогда, – сказал Андрей, – я с того места начну, где сам читаю. Я тебе в двух словах скажу, что там раньше было, – сначала он пишет о том, что видит в окне, а потом начинает описывать тех, кто ему мешает возле этого окна стоять. Очень длинная и желчная классификация.

Андрей достал из кармана книжку, открыл ее на заложенной странице и начал читать вслух: «Куда они все идут? Зачем? Разве они никогда не слышат стука колес или не видят голых равнин за окнами? Им все известно про эту жизнь, но они идут дальше по коридору, из сортира в купе и из тамбура в ресторан, понемногу превращая сегодня в очередное вчера, и думают, что есть такой Бог, который их за это вознаградит или накажет. Но если они не сходят с ума, значит, все они знают какой-то секрет. Или это я

знаю секрет, которого лучше не знать никому. Нечто такое, из-за чего я уже никогда в жизни не смогу вот так невинно и бессмысленно, белея глазными белками, идти себе по чуть покачивающемуся коридору и думать о том же, о чем думают они все. Но я ведь не знаю никакого секрета. Я просто вижу жизнь такой, как она есть, трезво и точно, и никогда не смогу принять этот грохочущий на стыках рельсов желтый катафалк за что-то другое. Мне нравится Индия, и поэтому сейчас я еду по Индии. А они просто сумасшедшие, пассажиры сумасшедшего поезда, и во всем, что они говорят, я слышу только стук колес. И оттого, что их много, а я почти один, не меняется ничего...»

Андрей услышал какое-то шуршание, поднял глаза и увидел, что жена Антона надевает сапоги. Антон вытирал руки измазанной в краске тряпкой.

– Извини, старик, – сказал он, – мы в театр идем. Ты прочти самую последнюю строчку. Чем там все кончается.

Андрей поколебался, открыл последнюю страницу и прочел:

«Милость беспредельна, и я точно знаю, что, когда поезд остановится, за его желтой дверью меня будет ждать белый слон, на котором я продолжу свое вечное возвращение к Неименоваемому».

– Понятно, – сказал Антон. – Интересно, конечно. Только читать этого я не буду, спасибо.

– Тебе не понравилось?

– Я бы не сказал, что мне это понравилось или не понравилось, – ответил Антон. – Просто это не имеет отношения ко мне лично.

– Почему? А то, что ты рисуешь, – сказал Андрей и кивнул на расписанные банки, – это разве не то же самое на другом языке? Остановите вагон, и так далее? Или ты это не всерьез? Неискренне?

– Что значит «не всерьез, неискренне», – сказал Антон. – Детские какие-то у тебя понятия. Есть жизнь, и есть там искусство, творчество. Соц-арт там, концептуализм там. Модерн там, постмодерн там. Я их уже давно с жизнью не путаю. У меня жена, ребенок скоро будет – вот это, Андрюша, всерьез. А рисовать там можно что угодно – есть всякие там культурные игры и так далее. Так что вагоны я только на пивных банках останавливаю, опять-таки потому, что о ребенке думаю, который вот в этом настоящем вагоне будет дальше ехать. Понимаешь?

Он слегка топнул в пол и показал рукой на стену.

– Антон, – сказал Андрей, – ты ничего сейчас не слышишь?

Антон замер и прислушался.

– Нет, – сказал он, – ничего. А что я должен слышать?

– Так. Показалось.

– Пора идти, – сказала Ольга, отдергивая висящее в дверном проеме одеяло, – опоздаем.

– А на что вы идете? – спросил Андрей.

– «Бронепоезд 116-511», – ответила Ольга. – Не пугайся, там авангардное прочтение.

– Чье прочтение? – спросил Андрей.

– «Театр на верхней полке», – сказала Ольга. – У них там все коллективно и анонимно, так что, чье там прочтение, никто там не знает. По секрету могу сказать, что декорации там рисовал Антон. Хочешь с нами? Там пройти можно.

– Нет, – сказал Андрей, – я еще к Хану зайду. Давно у него не был.

– Как он там, кстати, поживает? – спросил Антон. – Нашел себя?

– Да, – сказал Андрей, – и еще много другого. Ну пока.

– Пока. Привет там всем передавай.

Taken: , 1

На двери в купе Хана висел непонятно откуда взявшийся календарь с котятами, который закрывал знакомую царапину. Несколько секунд Андрей не мог понять, в чем дело, потом огляделся по сторонам, убедился, что не ошибся дверью и постучал. Никто не ответил.

Андрей открыл дверь. В купе был неправдоподобный беспорядок – такой, какой возникает только при похоронах, родах и переездах. На диване Хана сидела пожилая полная женщина со следами бывшего безобразия на отечном лице – возраст уже благополучно эвакуировал ее из зоны действия эстетических характеристик. На полу перед ней стояло несколько чемоданов и накрытая платком корзина, источавшая густой запах колбасы. С верхней полки торчала крошечная детская ножка, обтянутая белым носком, которая чуть качалась в такт вагону.

– Здравствуйте, – сказал Андрей.

– День добрый, – ответила женщина, поднимая ничего не выражающие глаза.

– А где Хан?

– Таких тут не живет.

– Он что, переехал?

– Не знаю, – сказала она, – может, переехал, а может, умер. Мы не знаем. Мы очередники. Нас на площадь вселили. Вы у проводника спросите, он знает.

– А вещи? – спросил Андрей. – Вещи остались?

– Никаких вещей тут не было, – оживляясь, сказала женщина, – что это вы придумываете? Какие такие вещи?

– Да нет, – сказал Андрей, – вы не подумайте, что я с претензиями. Я спрашиваю просто.

– Пустой диван, – сказала женщина, – полка тоже пустая. Я чужого в жизни не возьму.

– Понятно, – сказал Андрей, повернулся и толкнул дверь вбок.

– А вы не Андрей? – спросила вдруг женщина.

– Андрей. А что?

– Тут письмо какое-то лежало. Написано – Андрею, а какому, непонятно. И от кого, непонятно. Может, это вам?

– Мне, – сказал Андрей, – давайте.

– Где-то оно здесь было, – забормотала женщина, шаря среди

вываленного на стол белья. – Разбирать теперь все это полгода. Жизнь страшная стала. В коридоре давка, а сил нет. Ага, нашла. Вот оно. А точно вам? У вас билет ваш есть с собой?

– А я безбилетник, – развязно пошутил Андрей.

Женщина хмыкнула и протянула Андрею конверт.

– Девкам будешь голову морочить, – сказала она с некоторой игривостью. – Все. Больше никаких вещей нету.

– Спасибо, – сказал Андрей, убирая письмо в карман. – Большое спасибо.

– До свидания, – сказала женщина.

Выйдя из купе, Андрей чуть не столкнулся с идущим по вагону проводником, но ни о чем не стал его спрашивать.

Петр Сергеевич был пьян и весел. На столе перед ним стояла не обычная бутылка «Железнодорожной», а граненый флакон дорогого коньяка «Лазо» с пылающей паровозной топкой на этикетке. Рядом были развернуты какие-то чертежи и синьки – Андрей заметил на одной из них сильно увеличенную ручку дверного замка. Еще было несколько официального вида бумаг с печатями – в них, судя по масляным пятнам, был завернут сервелат, которым Петр Сергеевич успел хищно закусить – казалось, что разбросанные по столу ошметки клевал орел.

– Как дела?

– Нормально, – ответил Андрей, – а у вас?

Петр Сергеевич показал большой волосатый палец.

– Завтра меня весь день не будет, – сказал он, – с самого утра. И ночью тоже не приду. Ты за меня бельишко получишь?

– Хорошо, – сказал Андрей. – Вы только проводника предупредите. А что, уже тридцатое?

– Да, – сказал Петр Сергеевич, – тридцатое. Как время-то летит. Так и пожить не успеешь. Тебе налить?

Андрей помотал головой. Сняв ботинки, он улегся на свое место, повернулся лицом к стене и достал из кармана «Путеводитель по железным дорогам Индии», в который было вложено письмо. Поколебавшись секунду, он спрятал конверт назад в карман. «Завтра прочту», – подумал он и наугад раскрыл книгу.

«...в сущности, никакого счастья нет, есть только сознание счастья. Или, другими словами, есть только сознание. Нет никакой Индии, никакого поезда, никакого окна. Есть только сознание, а все остальное, в том числе и мы сами, существует только постольку, поскольку попадает в его сферу. Так

почему же, думаю я снова и снова, почему же нам не пойти прямо к бесконечному и невыразимому счастью, бросив все остальное? Правда, придется бросить и себя. Но кто бросит? Кто тогда будет счастлив? И кто несчастлив сейчас?»

Андрею хотелось спать, и он плохо понимал написанное – слова налезали друг на друга и образовывали перед глазами сложные геометрические конструкции. Он закрыл книгу.

– Андрюх, – подал голос Петр Сергеевич, – ну чего ты мурыжишься? Махни стакан.

– Правда не хочу, – сказал Андрей, – спасибо.

– Как знаешь.

Андрей повернулся на спину и некоторое время изучал тусклый желтый плафон на потолке.

– Петр Сергеевич, – сказал он, – а вы когда-нибудь думали, куда мы едем?

– У тебя что, – спросил Петр Сергеевич сквозь пищу, – неприятности, да? Наплюй. Подумаешь там, одну бросил, другую нашел. В плацкарту сходи, там быстро развеешься. Знаешь, сколько там сучек этих? Там их вагон. Были бы деньги.

– Ну все-таки. Куда?

– Ты чего, сам не знаешь?

– Вам что, сказать трудно?

– Да нет, не трудно.

– Ну так скажите. Куда мы, по-вашему, едем?

– Куда, куда. Тебе что, услышать хочется лишний раз? Ясное дело, куда. К разрушенному мосту. Что ты себе смолodu такой херней голову забиваешь, Андрюха?

Taken: , 1

Утро было облачным – вместо неба вверху висела ровная серая поверхность, похожая на потолок в коридоре, только без вентиляционных дырочек. Петр Сергеевич уже ушел. На столе лежала записка для проводника и стояло два стакана с успевшим остыть чаем. Андрей оделся, вынул из кармана письмо и тут же сунул его назад. Потом он запер дверь и сел на стол. Петр Сергеевич терпеть этого не мог, а уж ног на своем диване не простил бы ни за что и никому, но сегодня его можно было не брать в расчет.

Андрей никогда не упускал возможности в одиночестве провести пару часов у окна купе. Это было совсем не то же самое, что стоять возле окна в коридоре, где постоянно приходилось пропускать идущий мимо народ и вообще множеством трудноуловимых способов взаимодействовать с окружающими. Андрей не особо верил автору индийского «Путеводителя», писавшему о том, что безмятежному созерцанию ландшафта можно предаваться и перед дверью набитого орущими людьми тамбура.

Сегодня день был не очень удачный – в нескольких метрах за окном неслась бесконечная стена деревьев. Обычно такие насаждения закрывали обзор на несколько часов, а иногда и дней, и оставалось только смотреть на полосу травы между поездом и деревьями, разглядывая предметы, выброшенные из когда-то пролетевших здесь вагонов «Желтой стрелы».

Сначала все внизу сливалось в однородное серо-зеленое месиво, но через несколько минут глаза привыкали, и становилось достаточно короткой доли секунды, чтобы идентифицировать искусственные вкрапления в пейзаж. Возможно, дело было не в натренированности взгляда, а в воображении, и он успевал не столько разглядеть проносящееся мимо окон, сколько домыслить и воссоздать то, что там должно находиться, пользуясь мельчайшими намеками, которые давал окружающий мир. Но насчет большинства объектов, лежавших на склонах насыпи, ошибиться было трудно.

Больше всего было, конечно, пустых бутылок. Зимой они яркими зелеными пятнами выделялись на снегу, а сейчас их можно было отличить от травы только по блеску. Более легкие пивные банки сносило потоком воздуха, и они обычно не отлетали от вагонов так далеко. Изредка попадались довольно странные предметы – например, в одном месте из небольшого болотца торчала свежавоткнувшаяся в грязь картина в

огромной золотой раме (Андрею показалось, что это стандартная репродукция «Будущих железнодорожников» Дейнеки). В другом месте, примерно через километр после картины, мелькнул развалившийся при падении никелированный самовар. А недалеко от него лежал великолепный кожаный чемодан, на котором сидела большая жирная ворона. Повсюду белели яркие пятна использованных презервативов – впрочем, иногда презерватив можно было перепутать с небольшой костью вроде ключицы, а костей в траве валялось почти столько же, сколько бутылок. Особенно много было черепов – потому, наверно, что они оказывались слишком тяжелыми для мелких грызунов, а звери покрупнее боялись подходить близко к грохочущей желтой стене. Некоторые черепа, совсем старые, были до меловой белизны отполированы дождями и ветром, а на тех, что посвежее, еще оставались волосы и куски плоти. Особенно Андрея рассмешил один череп с блестящей дужкой очков, в которых, как показалось, даже сохранились стекла.

На кустах и деревьях было множество следов недавних похорон – разноцветные полотенца, одеяла и наволочки. Они развевались по ветру, как флаги, приветствуя новую жизнь, несущуюся вперед и мимо, – так, вспомнил Андрей, сказал, кажется, какой-то поэт, бросившийся потом головой вниз из окна вагона-ресторана. Подушек тоже было много – и совсем еще новых, и уже сгнивших под частыми в это лето дождями. Их хозяева обычно лежали неподалеку в самых разных позах и стадиях разложения; многие, правда, и на насыпи сохраняли строгий вид – ноги полусогнуты, одна рука подвернута под голову, а другая вытянута вдоль туловища. Объяснялось это просто – иногда проводники по просьбе родных особым образом перевязывали бечевкой конечности усопших, чтобы те выглядели после смерти пристойно; кроме того, это имело какое-то отношение к религии.

Андрей заметил, что в траве у насыпи стали все чаще попадаться засохшие белые цветы, которые он сперва принимал за презервативы. Он подумал, что они просто отцвели, но увидел, что многие из них завернуты в прозрачную пленку и лежат стеблями вверх. Потом стали появляться букеты, а потом – венки, все из увядших белых роз. Андрей понял, в чем дело, – недели две назад по телевизору показывали похороны американской поп-звезды Изиды Шопенгауэр (на самом деле, вспомнил Андрей, ее звали Ася Акопян). В газетах писали, что во время церемонии из окон выбросили две тонны отборных белых роз, которые покойная обожала больше всего на свете, – видно, это они и были. Андрей прижался к стеклу. Прошло две или три минуты – все это время белые пятна на траве густели, – и он увидел

лежащую в траве мраморную плиту со стальными сфинксами по краям, к которой золотыми цепями была приделана бедная Изида, уже порядком распухшая на жаре. На краях плиты была реклама – «Rolex», «Pepsi-cola» и еще какая-то более мелкая – кажется, товарный знак фирмы, производящей овощные шницели чисто американского вкуса. У плиты сустились две небольшие собаки; одна из них повернула морду к поезду и беззвучно залаяла. Вторая крутила хвостом; из пасти у нее свисало что-то синевато-красное и длинное.

«Мировая культура, – подумал Андрей, – доходит до нас с большим опозданием».

Стена деревьев за окном прервалась вечером, когда уже начало темнеть. Сначала они стали расти реже, между ними появились просветы, а потом вдруг открылось поле с пересекающей его дорогой. Возле дороги стояло несколько кирпичных домов с черными дырами окон – их ставни были широко распахнуты. Вдали медленно проплыла удивительно красивая, похожая на поднятую к небу руку, белая церковь с косым крестом – был виден только ее верх, а нижнюю часть закрывал лес.

Потом появилась длинная пустая платформа – в одном месте на ней Андрей успел заметить старую вставную челюсть, одиноко лежащую на голой бетонной плоскости. Рядом с челюстью торчал шест с пустым стальным прямоугольником, в котором когда-то была табличка с названием станции. Мелькнуло несколько плит бетонного забора, за которым громоздились какие-то решетчатые конструкции из ржавого железа, и все скрылось за вновь появившейся стеной плотно растущих деревьев – те, кто верил в снежных людей, считали, что эти деревья посажены ими, чтобы взгляды и мысли пассажиров не проникали слишком далеко в их мир.

В дверь постучали, и Андрей спрыгнул со стола.

– Кто это? – спросил он.

– Это Авэль, – проговорил бас за дверью. – Ты там? Выходи, там бэлье дают.

Когда Андрей решил наконец распечатать письмо, было уже темно, а за стеклом плыла все та же стена деревьев. Он отвернулся от окна, вынул из кармана конверт и оборвал его край. Внутри оказался клетчатый листок с аккуратным обрывом, на котором чернели ровные чернильные строки: «В прошлое время люди часто спорили, существует ли локомотив, который тянет нас за собой в будущее. Бывало, что они делили прошлое на свое и чужое. Но все осталось за спиной: жизнь едет вперед, и они, как видишь, исчезли. А что в высоте? Слепое здание за окном теряется в зыби лет.

Нужен ключ, а он у тебя в руках – так как ты его найдешь и кому предъявишь? Едем под стук колес, выходим пост скриптум двери».

Подписи не было. Андрей перечитал письмо, повертел его в пальцах, сложил и сунул назад в конверт. Потом он лег на свой диван, погасил лампочку над подушкой и повернулся к стене.

Taken: , 1

За окном творилось что-то странное – такого Андрей не видел еще никогда. Поезд шел через ночной город по низкой эстакаде, отделенной от улиц железной решеткой. За окном вагона горели бесчисленные огни – фонари на улицах, окна домов, фары автомобилей. Но самым странным было то, что внизу были люди, очень много людей. Они стояли у решетки эстакады; когда окно, за которым сидел Андрей, проплывало мимо, они начинали махать руками и что-то весело кричать. В городе, похоже, был праздник – все, кого он видел, выглядели до крайности беззаботно.

Наконец Андрею стало тяжело чувствовать на себе такое количество взглядов. Он встал и вышел в коридор. С другой стороны вагона за окнами тянулась обычная темная цепь деревьев, и Андрей почувствовал себя легче. Коридор выглядел как-то странно – пол был покрыт густым слоем пыли, двери всех купе были распахнуты, и в них виднелись голые железные каркасы диванов. Андрей сначала удивился и даже испугался, но вспомнил, что в поезде, кроме него, нет ни одного человека, и успокоился. Ему захотелось перечитать письмо, и он вытащил сложенный вдвое конверт из кармана. Текст, естественно, остался прежним:

ПРОШЛОЕ – ЭТО ЛОКОМОТИВ,
КОТОРЫЙ ТЯНЕТ ЗА СОБОЙ БУДУЩЕЕ.

БЫВАЕТ, ЧТО ЭТО ПРОШЛОЕ
ВДОБАВОК ЧУЖОЕ.

ТЫ ЕДЕШЬ СПИНОЙ ВПЕРЕД
И ВИДИШЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО УЖЕ
ИСЧЕЗЛО.

А ЧТОБЫ СОЙТИ С ПОЕЗДА,
НУЖЕН БИЛЕТ.
ТЫ ДЕРЖИШЬ ЕГО В РУКАХ,
НО КОМУ ТЫ ЕГО ПРЕДЪЯВИШЬ?

Вглядываясь в эти ровные строчки, Андрей повернулся к двери в свое купе, положил ладонь на ручку замка и вдруг заметил в самом низу листа

постскрипtum, короткую приписку мелким почерком, которой он раньше не заметил – наверно, потому, что она располагалась за линией сгиба.

И в эту же секунду он понял, что не стоит в пустом коридоре поезда, а лежит на диване своего купе и видит сон. Он стал просыпаться, но за тот неуловимый миг, который заняло пробуждение, успел прочесть и запомнить постскрипtum, точнее, запомнить слова, которые ему снились, – во сне они имели какой-то совсем другой смысл, который никак нельзя было протащить в обычный мир, но который он успел понять.

P.S. Все дело в том, что мы постоянно отправляемся в путешествие, которое закончилось за секунду до того, как мы успели выехать.

Андрей включил лампочку над подушкой, достал письмо и перечитал его – никакого постскриптума там не было. На том месте, где он увидел его во сне, было только несколько малозаметных царапин, словно кто-то водил по листу засохшей ручкой, пытаясь ее расписать.

Что-то было не так. Что-то случилось, пока он спал. Андрей поднялся с дивана, помотал головой и вдруг понял, что вокруг стоит оглушительная тишина. Колеса больше не стучали. Он поглядел в окно и увидел неподвижную ветку с большими черными листьями в квадратном пятне света, падавшего из окна. Поезд стоял.

Когда Андрей вышел в коридор, там все было как обычно – горел свет, пахло табаком. Но пол под ногами был совершенно неподвижен, и Андрей заметил, что чуть покачивается, шагая по нему. Дверь в служебное купе была открыта. Андрей заглянул туда и встретился взглядом с проводником, который неподвижно стоял у стола со стаканом чая в руке. Андрей открыл рот, собираясь спросить, что случилось с поездом, но понял, что проводник его не видит. Андрей подумал, что тот спит или впал в какое-то оцепенение, но тут его взгляд упал на стакан в руке проводника – в нем неподвижно висел кусок рафинада, над которым поднималась цепь таких же неподвижных пузырьков.

Он уже знал, что надо делать дальше. Шагнув к проводнику, он осторожно сунул руку в боковой карман его кителя и вынул оттуда ключ.

Выйдя в тамбур, он подошел к двери, сунул ключ в круглую скважину – он вошел неглубоко, потому что скважина была забита многолетним мусором, – и повернул его. Дверь со скрипом открылась, и на пол посыпались набитые в ее щели окаменелые окурки. Андрей подумал было,

что надо вернуться в купе за вещами, но понял, что ни одна из тех вещей, которые остались в его лежащем под диваном чемодане, теперь ему не понадобится. Он встал на край рубчатой железной ступени и поглядел в темноту. Она была бесконечной и тихой; из нее прилетал теплый ветер, полный множества незнакомых запахов.

Андрей спрыгнул на насыпь. Как только его ноги ударились о гравий, которым были присыпаны шпалы, сзади раздалось шипение сжатого воздуха, а еще через секунду лязгнули растянувшиеся сочленения между вагонами. Поезд тронулся и стал медленно набирать ход. Андрей отошел на несколько метров в сторону и посмотрел на «Желтую стрелу».

Со стороны она действительно походила на сияющую электрическими огнями стрелу, пущенную неизвестно кем неизвестно куда. Андрей посмотрел в ту точку, откуда появлялись вагоны, а потом в ту, где они исчезали, – с обеих сторон не было видно ничего, кроме темной пустоты.

Он повернулся и пошел прочь. Он не особо думал о том, куда идет, но вскоре под его ногами оказалась асфальтовая дорога, пересекающая широкое поле, а в небе у горизонта появилась светлая полоса. Громоухание колес за спиной постепенно стихало, и вскоре он стал ясно слышать то, чего не слышал никогда раньше: сухой стрекот в траве, шум ветра и тихий звук собственных шагов.